

ИЛЬЯ
СЕЛЬВИНСКИЙ

ТРАГЕДИИ

ИЛЬЯ
СЕЛЬВИНСКИЙ

ТРАГЕДИИ

Дорогому
Константину Александровичу
Редину
с любовью

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
москва

1952

Илья Сельвинский

СКВОЗЬ БИТЫ ВРЕМЕНИ

ПОЭТ познается по силе того отзыва, по тому нерву, который связывает его с эпохой. Нашему поколению досталась счастливая, но и труднейшая судьба — жить в эпоху крутой ломки старых общественных отношений и созидания новых коммунистических отношений, новой идеологии, морали, эстетики, обновления всего человека. История знала в прошлом эпохи, когда перемещивались судьбы множества людей и целых народов. Но человечество еще никогда не переживало такого поразительного времени, когда происходит переселение народов в новый, высший класс жизни, когда человечество совершает стремительный переход из царства необходимости в царство свободы. Мы все, современники и участники этого неповторимого процесса, не всегда можем оценить место и значение своего малого личного опыта, а иногда и до конца понять глубину духовного обновления, которое мы переживали и переживаем.

В этом процессе решающим, ведущим началом является и участие человека в борениях и делах своего времени, и внутренняя сознательная направленность, внутреннее желание служить делами, жизнью своей осуществлению коммунизма.

Эта внутренняя субъективная устремленность всегда была присуща Илье Сельвинскому. Когда людям нашего поколения, прошагавшим по крутым горкам эпохи, исполняется шестьдесят лет, то невольно оглядываешься и на пройденный путь, подводишь для

◊
К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
ИЛЬИ СЕЛЬВИНСКОГО
◊

нец. Он шагал по аулам среднезиатских степей, разводил костры в Пинских болотах и жил в яранге на Камчатке. Когда началась Великая Отечественная война, Илья Сельвинский, уже немолодой человек, с первых же дней ушел в действующую армию. Его личная храбрость в самой сложной боевой обстановке вызывала уважение его товарищей. Под Батайском Сельвинский был тяжело контужен, потерял сознание и был отнесен к трупам погибших бойцов. И только случайно медсестра обнаружила у Сельвинского признаки пульса, и таким образом он остался жив.

Да, Сельвинский не искал легких дорог в жизни. Я это хорошо знаю по многим годам своего дружеского общения с поэтом. И все те, кто знает Сельвинского по выступлениям на партийных или общелитературных собраниях, знают, что он всегда бывает мужественен и прям в своих суждениях; он всегда ощущает себя патриотом и коммунистом, стремящимся служить народу своим творчеством.

Это твердое осознание себя бойцом советской литературной армии нашло однажды своеобразный отклик за границей. Так, например, «Правда» писала (3 мая 1942 г.), что во время пресловутого суда в связи с покушением на гитлеровского посла Папена один из организаторов этой

поэзия Сельвинского проникнута вся величайшим чувством жизни, вещества, плоти. Слова поэта о Гогене могут быть отнесены и к нему самому: «Вся древняя, вся магнитная сила природы вылилась в эту павлинью метель, в эту язычью оду» («Пао»). В одном юношеском стихотворении Сельвинский говорит также о себе: «Нет, я вождь, я зову, я учу встрихивать нервы от «а» по «э», чтобы каждый открыл в себе Индию чувств, чтобы каждая кухарка была поэт» («Записки поэта»). Именно эта преисполненность поэзии Сельвинского страстным ощущением разнообразия и богатства жизни и человеческой культуры связывала творчество поэта с революцией, с революционным утверждением жизни, по-

В творчестве Сельвинского весьма отчетливо и выразительно (особенно ввиду контрастности его стиля, усиливающего каждый звук или краску, «где каждый мазок или смех или стон») («Пао») оказались исторические противоречия нашего времени, вытравливание пережитков прошлого. Продолжая его поэтический путь, можно видеть, как в огромной борьбе преодолевал Сельвинский те силы, которые давили на его поэзию от старого мира, — формализм и индивидуализм. Едавали не самым ярким свидетельством и, можно сказать, трофеями этой борьбы является то, что многие крупные произведения Сельвинского существуют в двух вариантах. Так, через тридцать с лишним лет Сельвинский заново

себя и какие-то предварительные итоги.

И. Сельвинский встречает эту свою седую дату в расцвете творческих сил. Хочется сказать о труде его и жизни в целом. Какими только сторонами жизнь не поворачивалась к Сельвинскому и какие только бури не проносились в ней!

Сын скорняцких дел мастера из города Симферополя, Илья Львович Сельвинский еще на школьной скамье вовлекается в водоворот великих революционных событий. Он покидает парту ученика седьмого класса в евпаторийской гимназии, чтобы поступить добровольцем в красногвардейский партизанский отряд.

В одном из ранних стихотворений Сельвинский писал, говоря о имени своего поколения: «Мы рванулись в дым по степям по сизым стихийной верой своей истекать». Кем только не был он — рыбаком, юнгой, репетитором, баграком, инструктором плавания, заготовителем кожсырья, рабочим консервной фабрики, грузчиком, актером бродячего театра «Гротеск» и т. д. и т. п. Он никогда не боялся бросаться себя на трудные дела в жизни. В качестве специального корреспондента «Правды» он участвовал в походе на «Челюскин». И потом совершил по поручению начальника экспедиции О. Ю. Шмидта стокилометровый переход на собаках по торосам арктического льда. Он изъездил Советский Союз из конца в ко-

нцу, познал ими Сельвинского вместе с именами Маяковского и Есенина как средство «уловления» умов зарубежной интеллигенции на сторону советского строя. Когда в прошлом году некоторые ревизионистствующие литераторы в Польше решили поднять на щит произведения Сельвинского периода конструктивизма, то сам Сельвинский выступил в «Литературной газете» с резкой отповедью по поводу такого одностороннего, искаженно-го изображения его литературного облика. Нет, Сельвинский хотел и хочет быть с сегодняшним днем, иди вперед вместе со всем фронтом литературы социалистического реализма.

Как поэт Сельвинский прошел сложный, полный противоречий путь идеиного развития. Он (подобно некоторым другим его сверстникам) сложился в традиции изобретательства и экспериментов над формами стиха, что в известной мере характеризует развитие русской поэзии в начале века (символизм и отчасти футуризм). Целый ряд произведений Сельвинского первого периода представлял собой чисто формалистические опыты по расширению изобразительных средств и ритмических возможностей стиха (в духе книги В. Брюсова «Опыты» — 1918 г.).

Являясь продолжателем дела символизма и отчасти футуризма, Сельвинский в то же время и преодолевает их. В противовес символизму, тяготевшему к абстрактным, бесплотным образам,

служила поэтическому осознанию Сельвинским всего дела социализма, прежде всего как основы для расцвета человека.

Если в поэзии Сельвинского, с одной стороны, были сильны моменты, отчуждавшие ее от социалистической эстетики (черты индивидуализма, формализма и др.), то напрекор им, в противоречии с ними развивались в ней и черты, отражавшие революционное становление новой социалистической культуры.

Напор нового «материала» в поэзии, что столь характерно для революционных эпох, напор новых идей, положений, характеров, событий и т. д. Сельвинский сумел выразить всем характером своего творчества: чрезвычайным разнообразием тематики, воспроизведением внешнего облика мира, множества пейзажей стран и городов — от тропических до арктических пейзажей, от Парижа до Москвы, от Константино-поля до Ленинграда; описанием множества рек, морей, рыб, зверей и т. д.; введением в поэзию словаря различных профессий, социальных и национальных говоров (от караимского до киргизского, от цыганского до французского и т. д.); изложением средствами стиха не только лирических переживаний или описаний природы, но и теорий, реклам, газет, политических речей, военных диспозиций, коммерческих расчетов и т. д. Наконец, главное выражением все той же эпической тенденции Сельвинского к самому широкому охвату жизни во всем объективном богатстве ее проявлений служит многочисленная галерея героев его эпохи, поэтических трагедий и драм.

Люди, изображенные Сельвинским, отличаются прежде всего большим внешним разнообразием. Это люди множества профессий и общественных положений: ученые, рабочие, чекисты, колхозники, старые большевики, поэты, плотники, дипкурьеры, комиссары, журналисты, боксеры, бояре и т. д. Среди них люди множества национальностей: русские, украинцы, грузины, голландцы, англичане, итальянцы, казахи, татары, немцы и другие.

переписал «Улялаевщину». И если в первом варианте 1924 года было опоэтизировано анархистских стихий, то во втором варианте (1955 г.) изменились не только имена и характеры героев, но, главное, сама трактовка событий дана уже с позиций социалистического реализма. Или вот две поэмы «Челюскиниана» и «Арктика». Поистине, целая жизнь легла между этими произведениями, написанными об одном и том же.

...И вот перед нами целая полка книг, написанных Сельвинским. Я не знаю, сколько их — двадцать или более томов. Но я знаю одно, что замечательный труженик и неутомимый искатель Сельвинский по количеству написанного им, вероятно, может по меряться не с одним, а с двумя поэтами: исторические драмы сменяются поэмами, а лирика эпopeей в стихах.

Знаем ли мы все это богатство, разобрались ли мы в том, что сделано для советской поэзии этим выдающимся мастером? Боюсь, что нет. Чаще всего первоначального брата-критика нацеливалась на Сельвинского, когда нужно было отметить какую-либо допущенную им ошибку. Увы, Сельвинский время от времени редко упускал случай, чтобы не подбросить критике какой-нибудь «съедобный материал». Но вряд ли полезна подобная, я бы сказал, взаимная односторонность. Я говорю об этом не потому, что юбилейная дата настраивает голос на какие-либо благодушные или журчащие ноты. Нет, говоря серьезно, Илья Сельвинский — слишком крупное явление в нашей советской поэзии, чтобы его опыт не остался бы не изученным и не послужил бы уроком и для новых поэтических поколений.

В этот день я хочу пожелать Илье Сельвинскому его прежней неиссякаемой творческой силы и здоровья. Хочу и пожелать читателям и критике раскрыть двери в это богатое царство стихов, которые стоят как живые свидетельства того, как наш редкого таланта современник шел вперед к новому искусству с неколебимой верой в звезду коммунизма.

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

ВЕЧНЫЙ ПОИСК

СЕЛЬВИНСКОМУ — 60 лет. Странно вдумываться в реальный смысл этой почтенной даты и в то же время вспоминать Сельвинского двадцатидвух-двадцатипятилетним красавцем и крепышом, юношески угловатым и угрюмым, — таким, каким он вошел в московскую поэтическую среду. Да и среда эта более нежели тридцатипятилетней давности совсем не похожа на нашу сегодняшнюю писательскую общественность! Крохотные, худосочные кружки, где мало печатающиеся и совсем не признанные поэты нараспив читали свои последние опусы, где рядом с несбыточными альманахами заваривались непрочные направления и группировки по сходству и смежности; где отдельные молодые особи росли по мере сил, а другие оставались на тючке замерзания, но и те и другие долго еще не замечали перемены или замерзания ни в себе, ни в ближнем своем... Как давно это было!

В середине двадцатых годов имя Сельвинского казалось прочно связанным с направлением конструктивистов, с этой шумной и очень разнокалиберной группой. Сельвинский был ее признанным главой. Ошибочные манифести этой группы, объединенные в сборнике «Бизнес», давно уже осуждены нашей историей.

Направление стигнуло. Поэты, сильные и разные, остались. Среди них — Сельвинский, Луговской, Багрицкий. Им предстояло расти и расти, — Багрицкому, к несчастью, еще недолгий срок.

Поэт, смелый до дерзости и безрассудства, — таким было первое впечатление от молодого Сельвинского. Сознаюсь, что и сегодня я могу говорить о нем теми же определениями. В начале поэтического пути Сельвинский с упорной страстью работал над материалом неподатливым и необжитым в расхожем поэтическом языке. Заклинавшая ли это интонация цыганского романса, блатной ли жаргон — поэту нужны были средства поэтической выразительности, языка, раздающийся из

◊
Павел АНТОКОЛЬСКИЙ
◊

ли в то же время одними из первых спектаклей на советской сцене, в которых слово поэта прозвучало полновесно для очень широкой и сочувственно взъянованной аудитории.

На одном из произведений Сельвинского той эпохи хочется остановиться подробнее. Это написанная перед самой войной лирическая трагедия «Бабек», — впоследствии автор назвал ее по-другому: «Орла на плече носящий». Трагедия эта свидетельствует о самом существенном приобретении поэта — о его способности

О, современники мои,
Седое с детства поколенье!
Мы шли в сугробах по колени,
Вели железные бои,
Сквозь наши зубы дым и выюга
Не в силах вытащить ни звука...

Казалось бы, какая безнадежность, — это конец песням, конец любой музыке для поколения. Но вот «из рупора, что вбит в какой-то треснувший брандмауэр», плывет упоительная мелодия Чайковского. В стихотворении ничего не досказано до конца, в нем нет правоучительно прописной концовки, но как раз в этом — сила стихов, их патриотический смысл понятен и без слов. В нем звучит торжество «русского гения». Пушкин! Чайковский! Уланова!

С тех пор, как кончилась война, прошло неполных пятнадцать лет. Срок не малый и в биографии отдельного человека, и в истории целого поколения. За плечами далеко не молодого поэта вырос самый фундаментальный и значительный его труд — драматическая трилогия «Россия». В этой книге шестьсот печатных страниц. О ней еще будут сказаны отчетливые слова, она ждет объективной критики и оценки. Но и сейчас ясно богатство мира, заключенного в этом «драматическом эпосе». Трилогия Сельвинского пронизана единным пафосом, историко-философским и лирическим одновременно: пафосом постижения России, постижения удивительной судьбы русского народа. Оно осуществлено поэтом на огромном историческом просторе: от Ливонской войны — через Полтаву — и, наконец, заключительная часть трилогии вся посвящена высоким дням Октябрьской грозы.

Ждет опубликования еще одна новая большая работа Сельвинского — его творчески смелая интерпретация нашего богатырского эпоса с центральным образом Ильи Муромца.

Итак, шестидесятилетие поэта. Что же пожелать ему?

О, многое, слишком многое, продиктованное и давней братской близостью, и уважением. Тут можно и должно упомянуть и здоровье, и долголетие, и мирные, счастливые в своей заности...

твости, когда раздражавшие, но во всяком случае свежие и физически ощущимые.

Это была настоящая лаборатория поэтического языка. Здесь могли лопаться на огне колбы и пробирки, мог раздаться взрыв, не принятый в литературной гостиной, — но работа шла всамделишная.

Пригодилась ли она в развитии нашей поэзии? Еще как пригодилась! Правда, в сегодняшнем «избранном» Сельвинском не найдешь и следа его ранних опытов. Может быть, он и сам не слишком горюет об их отсутствии, не знаю. Но у горного перевала, который называется старостью, я вспоминаю ранние стихи товарища с уважением, — хотя бы потому что сам отталкивался от них, да и не я один. В жизни нашего поколения этот кладоискатель, экспериментатор и следопыт сыграл роль положительную, выполнил функцию необходимую, хотя и не всегда благодарную в культуре.

Случалось, что ему не хватало элемен-тарного такта и вкуса. Он мог увлечься задачами случайными, боковыми, уводящими от искусства, нужного народу. Да, да, зачем умалчивать об этом даже под юбкой? Кто из нас бывал больше, жесточе и громогласнее раскритикован и обруган, нежели он? Он действовал за свой страх и риск, и его «провалы» порою поучительнее, нежели чистописание иных.

На этой газетной полосе невозможно проследить все повороты его творческой дороги. Знаменитая «Улялаевщина» глыбой вошла в сознание, память и обиход читателей. В ее лихих, диковатых ритмах и сегодня живет воздух, разорванный вихрями гражданской войны, звучит топот казачьей конницы.

Первые драмы Сельвинского, «Командарм 2» и «Умба — Белый Медведь» бы-

Илья Сельвинский

к перевоплощению, без которого немыслима никакая драматургия.

Очень далекое время — девятый век. Крестьянский, пастушеский Азербайджан. Народная борьба с чужестранными захватчиками. На этом густо и ярко написанном фоне вырастают сильные и цельные характеры, бушуют сильные и простые страсти. Все вылеплено крупно, с отличным знанием материала и с проникновением во временную даль, в дух своеобычного народа. Рубленый, корявый и правдивый язык воинов-пастухов и противопоставленная ему витиевато-утонченная речь арабских военачальников. Трагедия эта просится на сцену, — именно «просится», ведь ни один из наших прославленных театров так и не удосужился попробовать свои силы на ее благодарном материале. Об этом можно только горько подосадовать.

Сделанное Сельвинским за годы Отечественной войны у нас перед глазами! Это самая общепризнанная и популярная часть его поэтического хозяйства. И это не случайно.

Много сильных вещей было написано в те годы о подлой сущности фашизма, но горестная инвективы Сельвинского «Я это видел!» стоит здесь в первом избранном ряду — такая сжатая и яростная энергия дышит в его строках, такая правда виденного и пережитого. Много было написано тогда чудесных вещей во славу нашей армии, ее подвигов, но «Тамань», казачьим песням Сельвинского принадлежит почетное место в антологии военной поэзии, — так удивительна песенная стихийная удаль этих стихов. Много было сказано в те годы возвышенных и глубоких слов о русской культуре, — и вот «Лебединое озеро» Сельвинского.

Мертвенный, горестный городской пейзаж сорок третьего года. Все сожжено, исковеркано, разбито вражеским же-лезом;

стремление в своей яности устремлено труда, к которому Сельвинский привык с юности.

И еще одно хочу я пожелать, нужное и самому Сельвинскому, и множеству его читателей. Пускай, наконец, будет собрано в возможно более полном виде сделанное им за сорок лет работы! Эти полновесные тома будут читать и перечитывать, и многие, очень многие найдут в них свое и дорогое для себя, как это пытался сделать я в своем отклике на праздник друга. Недаром Сельвинский сказал когда-то:

Поэзия! Ты — служба крови!
Так перелей себя в других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

МАМОНТ

Как впаянный в льдину мамонт,
Дрейфую,

серебряно-бурый.

Стихи мои точно пергамент
Забытой, но мощной культуры.
Вокруг, не зная печали,
Пеструшки резвятся наспех,
А я покидаю призраки,
Вмуренный в синий айсберг.
А я за полярный пояс
Плыну, влекомый теченьем.
Меня приветствует полюс,
К своим причисляя темам...
Но нет! Дотянусь до мыса!
К былому меня не причалиши.
Пульсирует,

стонет,

дымится

Силы дремучая залежь.
Я слышу голос Коммуны
Сердцем своим горючим.
Дни мои — только кануны,
Время мое — в грядущем.